

ОЛЬГА ДАШКОВА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

100 кг Любочки
И ТРАКТОРИСТ

Ольга Дашкова

100 килограмм Любочки для Тракториста

<https://litres.ru/74456973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я Любочка Зайцева.

108 килограммов, красный автомобиль и три чемодана проблем, которые я везу в деревню закрывать так называемый гештальт.

Психолог сказала – надо. Я согласилась.

Временное помешательство, бывает.

Пятнадцать лет я строила жизнь, в которой не было места ни этой деревне, ни человеку, который когда-то называл меня Жирным Зайцем и при этом умудрялся быть моей первой любовью.

Одновременно! Да, я знаю, как это звучит.

Сергей Латышев никуда не уехал.

Он остался и въехал в мою машину на ржавом тракторе в первые же двадцать минут моего возвращения.

Говорят, от ненависти до любви один шаг.

А сколько шагов от любви до ненависти и обратно?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Дашкова

100 килограмм Любочки для Тракториста

Глава 1

Симон, я окончательно сошла с ума.

Нет, серьезно. Нормальные женщины после расставания летят в Турцию, нанимают аниматора с именем Хасан и к утру уже забывают про бывшего.

Другие записываются на йогу. Третьи на дорогой детокс в горах, где пьют сок из сельдерея и делают вид, что им хорошо, дышат маткой, пытаются познать свой внутренний мир или пускаются во все тяжкие.

Я же еду в деревню к бабуле. Потому что мой психолог, кстати умная женщина с дипломом и очень дорогой арендой кабинета, произнесла золотые слова: *«Любовь Матвеевна, вам нужно вернуться к корням. Там, где все началось, там и нужно закрыть гештальт».*

Гештальт. Надо же. А то я слов таких и не знала.

Покосилась на пассажирское сиденье, где в специальном автокресле с достоинством восседал Симон, мой рыжий померанский шпиц весом четыре килограмма и с самооценкой

льва.

Он смотрел на меня с таким выражением, будто давно все знал и просто ждал, пока я сама до этого дойду. Так и есть, я дошла, но путь был длинным, тернистым и не без слез.

Пятнадцать лет не возвращалась в Сосновку, и вот пожалуйста, еду. Добровольно, с тремя чемоданами, любимой собакой и тяжелым предчувствием, что совершаю ошибку масштабов небольшого апокалипсиса.

Но когда женщину останавливал апокалипсис?

За окном красного автомобиля, кстати, не буду называть марку, но очень дорогого, мелькали березовые рощи, поля с желтой сурепкой и покосившиеся заборы, которые, кажется, не менялись с девяностых.

Дорога становилась все уже и все более похожей на направление, а не на дорогу, в конце которой есть моя цель. Но на некоторых участках даже был асфальт и даже свежий.

Если бы Саша мог меня видеть сейчас, он бы снова сказал что-нибудь про *«лишний вес в принятии решений»*. Это была его коронная фраза. Он вообще любил увязывать мои килограммы с чем угодно: с настроением, с карьерой, с выбором ресторана с покупкой собаки.

Три года я улыбалась и делала вид, что не слышу, потом перестала делать вид. Хорошо, что он теперь не мой, это я про Сашу. Плохо, что я все еще думаю о нем на подъезде к деревне.

Симон тявкнул, вышло коротко и весомо, как профессор,

ставящий точку в дискуссии.

— Ты права, мой мальчик,— согласилась я с Симоном.— Я не буду о нем думать. Я не буду ни о чем думать, только отдых, хорошая книга, бабаулины сплетни и свежие продукты.

Асфальт кончился примерно в том же месте, где кончилась мобильная связь. Я сбавила скорость, объезжая колдобины, и на секунду залюбовалась тем, как июньское солнце играет на берегах.

В детстве я любила эту дорогу. Примерно до того, как научилась ее ненавидеть.

А ненавидела я ее с тех пор, как в седьмом классе Серега Латышев, проезжая мимо меня на велосипеде, крикнул на всю улицу: «Жирный Заяц скачет домой!» — и вся компания у магазина заржала.

Серега Латышев, это был капитан школьной футбольной команды, которая играла за район, главным красавчиком Сосновки и еще пяти прилегающих деревень. Человек, по которому я тайно сохла пять лет подряд и который знал об этом примерно столько же, сколько знает о квантовой физике средний трактор.

То есть ничего.

Зато он отлично знал, как сделать так, чтобы полная девочка с фамилией Зайцева чувствовала себя максимально неудобно в собственной коже. Выдохнула. Вот он, гештальт. Собственной персоной, размером со стог сена.

За поворотом показался просвет. Я чуть прибавила ско-

рость, и в этот же момент из-за деревьев прямо на меня выехал старый синий трактор.

Все, что последовало дальше, уложилось в три секунды. Секунда первая: я увидела трактор. Секунда вторая: нажала на тормоз. Секунда третья: поняла, что поздно.

Удар был не страшный, скорее обидный. Мягкий металлический поцелуй, от которого у меня внутри что-то екнуло, а Симон возмущенно твякнул. Мой красивый, отполированный, только вчера с мойки автомобиль уткнулся бампером в трактор.

– Да... еп... мать... чтоб тебя су....

Я сказала все, что думала. Вслух. Громко. Симон сделал вид, что не слышит.

Дверь тракторной кабины открылась, и из нее спрыгнул высокий мужчина. Плечи, которые видно сразу и даже изда- лека. Расстегнутая клетчатая рубашка, загорелая шея, грудь, руки в машинном масле, щетина, темные волосы, суровый взгляд.

Весь его вид говорил: «Я встаю в пять утра, работаю руками и вообще не в курсе, что бывает иначе. А все остальные нахлебники и дармоеды только прожигают жизнь».

Сердце у меня провалилось куда-то в район желудка.

Нет. Только не это. Только не он.

Но это был он.

Сергей Латышев. Постаревший на пятнадцать лет, возмущавший, еще более невыносимо красивый и совершенно не

подозревающий, кто только что въехал в его трактор.

Он подошел к машине, вытирая руки о тряпку, которую вытащил из заднего кармана джинсов, глянул на помятое крыло и только потом на меня. Не узнал. Ни секунды сомнений – просто не узнал.

Ну конечно. Жирный Заяц вырос, сел за руль немецкого кроссовера и совершенно не вписывался в картину мира местного жителя.

– Девушка, вы в порядке? – спросил, голос низкий, немного хриловатый. – Извините, не заметил вас за поворотом. Давайте разберемся.

Я вышла из машины, показывая ему все свои сто восемь килограммов прошлого, настоящего и хорошо упакованного самолюбия.

Сергей посмотрел на меня, потом на машину, потом снова на меня, в его взгляде промелькнуло что-то, похожее на искреннее мужское внимание.

Это было неожиданно. Это было почти приятно. И именно поэтому разозлило.

– Латышев, – сказала совершенно спокойно. – Сейчас ты решил доконать меня трактором?

Он замер. Прищурился. Брови медленно поползли вверх.

– Зайцева? – неуверенно произнес он. – Любка?

– Любовь Матвеевна, – поправила с той же интонацией, какую использую на переговорах, когда хочу дать человеку понять, что он уже проиграл. – Хотя ты чаще называл меня

иначе. Жирный Заяц, помнишь? Или за пятнадцать лет это выветрилось из памяти?

На его лице сменилось столько выражений подряд, что я почти засчитала это за аплодисменты. Удивление. Узнавание. Легкое смятение. И еще что-то, чего я предпочла не расшифровывать.

Он провел ладонью по лицу, размазывая масло по щеке, и усмехнулся, медленно, будто не был уверен, уместно ли это сейчас.

– Вот это да. Это правда ты?

– Живая и при машине. Точнее, при машине, в которую ты только что въехал.

Симон высунул голову в приоткрытое окно и твякнул с видом независимого свидетеля. Сергей перевел взгляд на шпица, потом снова на меня.

– Слушай, давай посмотрим на бампер. Все решим.

– Непременно. У тебя страховка есть?

– Есть.

– Отлично. Значит, в этой истории хоть что-то предусмотрено заранее.

Он помолчал секунду. Потом сказал – негромко, почти себе:

– Ты совсем не изменилась.

Я посмотрела на него долго и очень внимательно.

– Ты имеешь в виду язык? Или снова про вес?

Сергей не отвел взгляда. И ответил без улыбки, неожи-

данно прямо:

– Я имею в виду глаза.

Вот этого я не ожидала. Поэтому отвернулась первой под предлогом осмотра помятого крыла. Потому что если смотреть в эти глаза еще десять секунд, можно случайно забыть, зачем сюда приехала.

А я помню. Я специально помню. Геистальт не закроется сам себя.

Глава 2

Дом бабушки я увидела еще издалека.

Беленые наличники, палисадник с мальвами в человеческий рост и старая яблоня, которая за пятнадцать лет, кажется, раздалась вширь примерно так же, как и я.

Привет, родная. Нашли друг друга.

Калитка открылась раньше, чем я успела припарковаться. Выбежала моя бабуля, маленькая, юркая, в цветастом фартуке, с полотенцем в руке. Восемьдесят один год, а двигалась так, будто участвовала в соревнованиях по скандинавской ходьбе и рассчитывала победить.

– Любочка-булочка! – закричала она на весь переулок. – Моя булочка ненаглядная приехала!

Я поморщилась, чисто рефлекс, выработанный за тридцать два года. От бабулиных комплиментов сводило желудок.

– Бабуля, просто Люба, – сказала, выходя из машины. – Вот не надо всех этих булочек и пышечек.

– Ну Люба, ну Любочка, ну булочка моя! – она уже висела у меня на шее, пахла пирогами и мятой. – Худая совсем! Господи, кожа да кости.

На минуточку, мой вес 108 килограмм и это то он был в том месяце, сколько сейчас страшно представить, но в прошлогоднее платье я влезла, а значит жить можно.

– Бабуль.

– Ну, не худая, ладно. Зато красивая! Господи, какое платье! Где взяла? В Москве небось? Покрутись! Покажи себя! Ой, красота, ой невеста!

Я покрутилась, платье действительно было хорошее, то самое в которое я влезла – краснее в мелкий горошек, с глубоким вырезом, облегалo все то, что я давно перестала стесняться и начала использовать по назначению. Москва научила меня как минимум этому.

Бабушка смотрела на меня с таким восторгом, будто я была экспонатом на выставке достижений народного хозяйства.

– И собачка! – она немедленно переключилась на Симона, которого я выпустила из машины и он вышел с видом иностранного дипломата, впервые ступившего на территорию развивающейся страны. – Ой, какой маленький, какой рыженький! Как зовут?

– Симон.

– Симочка! Пойдем, я тебе молочка налью! Или сливок?

Симон посмотрел на меня, я пожала плечами. Он потрусил за бабушкой с достоинством пса, которому молоко в общем-то ни к чему, но отказывать неловко.

Пока они налаживали дипломатические отношения, я начала таскать чемоданы. Три штуки. Тяжелых, потому что на долго. Потому что гештальт гештальтом, а без нормальной одежды я не поеду никуда, даже в деревню.

На самом деле, конечно, поехала бы. Но пусть это оста-

нется между мной и чемоданами.

Встреча с Латышевым все никак не укладывалась в голову. Я прокручивала ее снова и снова, как неудачный рабочий звонок, который хочется переиграть. Придумывала, что надо было сказать иначе. Как войти эффектнее. Как стоять. Как смотреть.

А потом напоминала себе, что это была не встреча. Это была авария. Разница существенная и предвидеть я ее не могла.

Утешало вот что: я была хороша. Честно. Платье, прическа, маникюр – неделю назад я сделала все это для себя, но получилось, что и для него, как бы случайно, но с четким намерением. У меня шикарная машина, модная собака и достаточно толстая броня выстроенная за пятнадцать лет, чтобы не разрыдаться прямо у бампера.

А он кто? Мужик на тракторе. На старом, синем, судя по запаху, давно не мытом тракторе. Весь в масле, в пыли. Без малейшего намека на то, что пятнадцать лет куда-то делись и оставили хоть какой-нибудь след цивилизации.

Король школы. Надо же. Корона, видимо, оказалась не достойкой.

Это было правильное, здоровое, терапевтически одобренное умозаключение. Я даже немного им гордилась собой за это. Бабушка вернулась и немедленно ухватила за самый тяжелый чемодан.

– Бабуль, не надо, я сама!

– Я сама, я сама, – передразнила она и поволокла чемодан по дорожке с такой скоростью, что я едва поспевала. – Ты смотри, как деревня-то наша поднялась! Дорогу заасфальтировали до самого леса, магазин новый открыли, у Петровых многодетных дом перестроили. Хорошо живем!

– Вижу, – сказала, отбирая у нее чемодан. – Откуда деньги? Что за щедрые инвесторы?

– Так фермерство пошло! Люди работают, зарабатывают. Да и Сереженька помог, куда без него.

Я споткнулась на ровном месте и вопросительно посмотрела на бабулю.

– Кто помог?

– Сереженька! Ну как кто. Такой молодец, такой молодец. Дорогу пробил через район, три года добивался. Технику новую привез, работой людей обеспечил. Ферма у него знаешь какая? Загляденье! Коровы, овцы, поля засеяны. Говорят, в область уже поставляет.

Я остановилась посреди двора с чемоданом в руке.

– Подожди. Это ты про какого Сереженьку?

– Как про какого? Одноклассник твой. Латышев. Сереженька.

– Бабуль, он же тракторист.

Она посмотрела на меня с легким недоумением человека, которому объясняют что-то очевидное.

– Какой тракторист? Он на тракторе тоже умеет, он на всем умеет. Он фермер, хозяйство свое, серьезное хозяй-

ство. Не мальчик уже, мужик настоящий. Хозяин.

Вот это по-во-рот Любочка!

Медленно поставила чемодан на землю. В голове что-то тихо перестраивалось, как мебель в комнате, которую двигают ночью. Значит, не просто тракторист, значит, хозяйство. Значит, дорогу пробил. Значит, всю деревню на себе тащит.

Бла-го-де-тель! Значит, геишальт закрыть будет не так легко, как я рассчитывала.

Это меняло картину, не полностью, но ощутимо. Образ самодовольного красавчика, скатившийся до тракториста тихо рассыпался. На его месте появлялся другой, и этот другой был, пожалуй, интереснее. И это раздражало меня значительно сильнее.

– А он... – начала я как бы между прочим, поднимая чемодан. – Один живет? Семья есть?

Бабушка оживилась, этого вопроса она ждала, кажется, с той самой минуты, как увидела мою машину в конце улицы.

– В разводе, – сообщила она с интонацией человека, который только что выложил козырного туза. – Уже года три как.

– Правда? – постаралась сказать это максимально безразлично. Получилось примерно как «**правда??**».

– А ты разве не знала? Он же на Аленке Парамоновой женился. Прямо как с армии вернулся, она его дождалась, так и поженились.

Армия? Батюшки, да это святой человек!

Помнила ли я Аленку Парамонову? Как же! Еще как пом-

нила. Аленка Парамонова первая красавица и выпендрейница в школе была, дочь депутата района. Тонкая, светловолосяя, с ямочками на щеках.

Короче, полная противоположность меня. Та самая, ради которой Латышев однажды принес на уроке физики полведра черемухи и положил на парту. На ее парту, разумеется. Не на мою.

Я тогда написала в дневнике: «Ненавижу черемуху». До сих пор не люблю.

– Да, что-то припоминаю, – сказала нейтрально.

– Пожили лет семь, не сложилось. Она в город уехала, говорят, замуж там снова вышла. А Сереженька здесь остался. В хозяйство ушел с головой, оно и понятно.

Мне было ничего непонятно. Но жутко интересно, что там у них не срослось.

Мы зашли в дом, пахло пирогами, деревом и немного лавандой, точно так же, как пятнадцать лет назад. Некоторые вещи умеют стоять на месте вопреки всему. Я опустила чемодан у дивана и выпрямилась.

Итак. Сергей Латышев. Разведен. Фермер. Поднимает деревню. В масле и пыли, но, судя по всему, не без смысла. Интересно, а дети у него есть? Наверно есть, как без них жить фермеру.

А ведь я думала, что все будет просто. Приехать, увидеть, убедиться, что жизнь меня вознаградила, а его – нет. Развернуться и уехать с закрытым гештальтом под мыш-

кой.

Но жизнь, как обычно, не читала мой план.

– Любочка-булочка, – позвала бабушка из кухни. – Иди чай пить! Я пирогов напекла!

– Иду, – сказала.

И добавила тихо, только для себя:

– С черемухой, небось.

Глава 3

Проснулась и не открыла глаза.

Просто лежала и дышала. Медленно, без будильника, без мыслей про дедлайны, без ощущения, что кто-то невидимый держит меня за горло и шепчет: *давай, вставай, опаздываешь, надо, должна, срочно.*

Солнце грело щеку сквозь тюлевую занавеску. Где-то в листве азартно перекрикивались птицы. Во дворе у соседей прокукарекал петух, один раз, победно, как человек, который всегда прав.

Господи. Я выспалась. Не-ве-рю!

Последний раз это случилось, кажется, в карантин. В Москве я просыпалась в шесть сорок пять с ощущением, что меня всю ночь слегка пытали. Три года в рекламном агентстве на позиции креативного директора делают с человеком что-то необратимое.

Мозг перестает различать выходные и будни, тело живет на кофе и дедлайнах, а желудок... желудок однажды сказал свое веское слово в виде язвы, и я три недели ела протертые супы и возненавидела все острое.

Саша тогда сказал, что язва – это психосоматика от лишнего веса. Я тогда еще не знала, что психосоматика в нашей паре – это был он сам.

Но сейчас не об этом. Сейчас была тюль, птицы, петух,

солнце, утро.

И еще был сон. Который приснился под утро и который я уже почти не помнила, но что-то в нем точно было. Кто-то. Руки. Голос. Что-то теплое и очень... убедительное. Лицо не сохранилось. Совсем.

Отлично. Значит, никого конкретного. Просто абстрактный мужчина. Бывает. Особенно, когда долго нет того самого мужика.

Потянулась, хрустнула всем, чем можно, и уставилась в потолок с его знакомыми трещинами. Они не изменились, та же трещина в углу, похожая на реку на карте. В детстве я придумывала, куда она течет.

За окном было тихо, по-настоящему тихо деревенской тишиной, в которой слышно все: и как кошка идет по крыше, и как за три дома калитка скрипнула. Не московская тишина в три ночи, пропитанная чужой тревогой сквозь стены. Другая тишина.

Может, психолог была права. Может мне действительно стоило вернуться...

Именно в эту секунду счастья и покоя со стороны дороги донеслось знакомое тархтение. Сначала я решила, что это просто трактор. Мало ли тракторов в деревне. Деревня на то и деревня, техника, сельское хозяйство, все такое.

Но тархтение приближалось, и в нем было что-то до невозможности конкретное.

Я знаю этот звук.

Трактор проехал прямо под окном. Медленно, уверенно, как хозяин положения. Я рывком села на кровати.

Настроение изменилось со скоростью лифта в высотке: было хорошее, стало – сложное. Потому что сразу вспомнилось все: авария, расстегнутая рубашка, голый торс, кубики пресса, масло на щеке, любопытство и интерес в глазах тракториста Латышева по совместительству фермера и деревенского благодетеля.

И злость, которую я так аккуратно сложила вечером в дальний угол, немедленно развернулась и заняла все пространство.

Геишальт, значит. Закрывать. Легко сказать.

Психолог Виктория Андреевна, дама с осанкой балерины и ценником за сеанс как у хорошего стоматолога, говорила примерно следующее: «Любовь Матвеевна, вы выстроили вокруг себя защитный панцирь. Вы успешны, независимы, иронична – и совершенно закрыты. Вам нужно вернуться туда, где все началось, и разобраться с тем, что вы так и не прожили».

Я тогда подумала: что значит «не прожила»? Я прожила все. Я прожила диеты с четырнадцати лет и до язвы. Я прожила три года с мужчиной, который считал мой вес личным оскорблением. Я прожила пятнадцать лет в городе, где строила карьеру вместо того, чтобы просто жить.

Прожила. До дыр.

Но вот, приехала снова в деревню.

Накинула халат, сунула ноги в тапки и вышла на кухню и там обнаружила картину, достойную отдельного полотна.

Симон сидел на кухонном стуле на подушке, которую бабуля, судя по всему, принесла специально. Перед ним стояла тарелка с блинчиками. Он ел блинчик со сметаной. Методично, с достоинством, глядя куда-то в окно с видом пса, у которого все в жизни сложилось.

Бабуля стояла рядом и смотрела на него с нежностью.

– Бабуль?

– А, проснулась! Садись, я тебе свеженьких испеку и чайку налью.

– Он не должен есть блинчики.

– Почему? Вкусные же.

– Потому что он собака.

Бабуля посмотрела на Симона, потом на меня, потом снова на Симона.

– Ну и что. Он маленький, ему надо.

Симон облизнулся и посмотрел на меня с видом, которого только что публично поддерживали в споре.

Предатель.

Села за стол, бабуля поставила передо мной чай в большой кружке с петухами, именно такой, какой умеет делать только она и блинчики. Стопку. Высокую.

– Слышала трактор? – спросила я как бы между прочим, намазывая блин сметаной.

– Это Сереженька, поди, на поле едет. Он рано встает.

Ну на-до-же! Сережа рано встает.

– Угу.

– Хозяйство – это не офис, там к девяти не приходят, там до девяти уже все сделать надо.

Намек засчитан, бабуля.

– А у него... дети есть? – спросила, глядя в кружку.

Бабуля помолчала секунду, совсем чуть-чуть, и я поняла, что она ждала именно этого вопроса с не меньшим нетерпением, чем вчерашнего.

– Нет деток, – сказала она и вздохнула с такой печалью, будто это была ее личная трагедия. – Не случилось. С Аленкой пытались, не вышло. Она потом говорила, что это все нервы и деревня, а Сереженька... он молчал. Он вообще не очень говорит про такое. Но ходят слухи, что Аленка она сама не хотела, все в город рвалась.

Я медленно переварила это вместе с блинчиком.

Нет детей. Разведен. Один. Поднимает деревню и молчит про важное. Ничего общего с тем школьным красавчиком-задирой, который горланил на всю улицу про Жирного Зайца. Или есть что-то общее. Что-то я пока не вижу.

– Бабуль, – сказала, откладывая блин. – А он вообще изменился? Как человек?

Бабуля посмотрела на меня внимательно, по-хитрому, как умеют смотреть только очень старые и очень умные женщины.

– А ты сама посмотри, – сказала она просто. – Вот и узна-

ешь.

Симон доллакал сметану со дна тарелки и с чувством выполненного долга спрыгнул со стула.

Да. Деревня. Лето. Гештальт. Чувствую, будет интересно.

Глава 4

После завтрака и трех блинчиков, хотела два, но бабуля смотрела так, что стало четыре, я решила, что мне нужно озеро.

Не потому что соскучилась. Просто потому что психолог говорила про корни, а озеро Круглое и было одним из самых главных корней моего детства. Тихая вода, камыши, запах тины и лета.

Там я умела думать. Там, в общем-то, я умела быть собой до того, как это стало требовать усилий.

Надела желтый сарафан с открытыми плечами и вырезом, который в прошлом году я носила в Египте и производила эффект. Широкополую шляпу, которую купила там же. Взяла пляжную сумку, покрывало, книгу с названием: «Внутренний ребенок: путь к себе» весом как полкило надежды на лучшее.

Бабуля провожала меня с крыльца.

– Губки покрасила, – констатировала она с видом человека, который давно все понял, но молчал из деликатности. – А от комаров намазалась?

– Бабуль.

– Там у озера комары – звери. Они тебя с твоими губками съедят.

– Не съедят.

– Съедят, Любочка-булочка. Вот намажся и иди.

Прицепила Симона на поводок, вышла за калитку с достоинством человека, который принял решение и не намерен его пересматривать. Репеллент остался на дома на полке.

Комары – это мои проблемы. Главное – выглядеть хорошо.

К озеру вела знакомая тропинка через березовый перелесок. Симон бежал впереди, насколько позволял поводок, обнюхивал каждый куст с таким видом, будто проводил криминалистическую экспертизу.

– Вот смотри, – говорила я ему, пока мы шли. – Вот этот куст шиповника я знаю лет двадцать пять. Он тут всегда рос. И вон та кривая береза, видишь, мы с подружкой Танькой Серовой привязывали к ней скакалку и прыгали все лето. Танька уехала в Екатеринбург, вышла замуж, трое детей. Мы иногда переписываемся в Новый год.

Симон покосился на меня.

– Не осуждай. Жизнь расставляет людей туда, куда ей нужно.

Он потрусил дальше, явно не разделяя моей философии. Тропинка вывела к пригорку, и я остановилась.

Озеро было таким же. Именно таким – круглым, тихим, в зеленых берегах, с деревянным пирсом у дальнего края. Вода блестела, кувшинки плавали, стрекозы стрекотали, небо отражалось в воде.

Вот за этим я и приехала. Вот это. Е-ди-не-ни-е!

А потом вспомнила пирс и накатило совсем другое воспоминание.

Десятый класс, конец мая, первая настоящая жара. Я пришла сюда одна с книжкой, устроилась в кустах на берегу, и тут появились ребята, вся компания. С воплями, брызгами, хохотом. Прыгали с пирса наперегонки, кто дальше, кто эффективнее.

И Латышев прыгал в одних шортах. Уже загорелый, атлетичный, с этим своим смехом на весь берег. Я смотрела из кустов, как последний шпион, и думала, что красивее человека на свете нет. А потом он вылез из воды, увидел меня – и крикнул: *«О, Жирный Заяц тоже загорать пришел! Только в воду не ныряй, волну поднимешь!»*

Все заржали, я встала и ушла. Не побежала, а именно ушла, медленно, с достоинством, которое давалось мне тогда физически больно.

Пятнадцать лет прошло. А вот поди ж ты – помню до деталей.

Нашла хорошее место у воды, подальше от пирса, расстелила покрывало и села. Достала книгу, открыла на первой странице.

«Чтобы встретить себя настоящего, нужно перестать убежать».

Умно. Буду иметь в виду.

Симон улегся рядом, положил морду на лапы и закрыл глаза. Хорошая жизнь у этого пса – никаких гештальтов, ни-

каких Латышевых. Только блинчики и солнце.

Прочитала страницу, потом вторую. На третьей поймала себя на том, что смотрю на воду и ни о чем не думаю впервые за долгое время. Это было почти неприятно. Мозг, привыкший к постоянной загрузке, нервно оглядывался в поисках задачи.

Расслабься, – сказала я себе. – Ты в отпуске. Ты у озера. У тебя нет дедлайнов. Никто не ждет от тебя концепцию к утру.

Симон вдруг поднял голову. Насторожился. Шерсть на загривке встала. А потом резко, громко, залаял совсем не по-светски.

Из-за кустов вышли двое. Мужчины – или, точнее, то, что бывает с мужчинами после ночи, проведенной с серьезными намерениями и бутылкой. Помятые, небритые, в майках с пятнами неуставленного происхождения. Шли нетвердо, но с той специфической уверенностью, которая бывает у людей без тормозов.

Первый был незнакомый. Второй...

Смотрела на второго и мучительно пыталась понять, где его видела. Лицо смутно знакомое, но что-то не так. И тут мужчина заржал над шуткой друга, показывая зубы, точнее отсутствие некоторых. Верхнего левого клыка, его не было. Там конечно много еще каких зубов отсутствовало, но этого я точно знала не было давно.

И тут я вспомнила, одиннадцатый класс, драка после дис-

котеки. Серега Латышев тогда выбил этот зуб так быстро и точно, что все ахнуть не успели. Федул Гамов. Вот кто это был.

Федул Гамов – школьный хам второго эшелона, не такой красивый, как Латышев, но вдвое более противный. Из тех, кто издевается не потому что лидер, а потому что рядом с лидером и надо соответствовать.

– О! – сказал он и осклабился. – Девушка отдыхает. Красивая девушка.

Симон залаял громче.

– Молчи, крыса, – бросил Федул в сторону пса и снова посмотрел на меня. – Слушай, красавица, у тебя денег не найдется? Рублей пятьсот. До получки. Займи, а?

– Не найдется, – сказала и открыла книгу.

– Да ладно, не жмись. Явно не бедная, по шляпе видно.

– Тем более не дам.

Федул шагнул ближе. Второй маячил сзади, улыбался невпопад.

– Ты, подруга, не груби. Мы ж по-хорошему.

– Федул, – сказала спокойно. – Ты не узнаешь меня, но это не проблема. Уйди, пока мы оба делаем вид, что этого разговора не было.

Он прищурился. Пошевелил губами, видимо, думал.

– Откуда знаешь, как зовут?

– Сосновка, одиннадцатый «Б». Зайцева Люба. Можешь не вспоминать, я не обижусь.

Что-то мелькнуло в его глазах смутное, пьяное, не до конца оформившееся.

– Жирный За...

– Стоп, – сказала тихо и очень четко. – Не надо.

Но он уже качнулся вперед и грубо, по-хозяйски схватил меня за запястье, как берут вещи, а не людей.

– Да не злись, я пошутил. Дай телефончик, погуляем... а ты красotka Зайцева.

Симон бросился на него с лаем, поводок натянулся до предела. Я попыталась вырвать руку. Федул держал крепко и скалился. А потом за его спиной появилась тень.

Большая, широкоплечая. А потом и сам мужчина С таким выражением лица, которое не требует слов.

– Отпусти руку, – сказал Латышев.

Голос был тихий, именно поэтому и страшный. Федул обернулся, сразу выпустил запястье. Рефлекс, выработанный еще в школе.

– Серег, мы это... просто разговаривали.

– Я видел, как вы разговариваете. Уходите. Оба.

Второй уже уходил, Федул потоптался секунду, попытался изобразить достоинство и потрусил следом. Наступила тишина. Только Симон еще тихо, для порядка рычал. Латышев стоял передо мной. Все та же клетчатая рубашка, все те же не застегнута, смотрел на мое запястье.

– Больно?

– Нет.

– Это Гамов. Он безвредный в целом, но по пьяни изображение отключается.

– Я знаю, кто это, – сказала. – Мы учились вместе.

Он кивнул. Помолчал секунду.

– Хорошее место выбрала.

– Выбрала, – согласилась. – Ты тоже его, помнится, любил.

Особенно пирс.

Он посмотрел на меня долго. Что-то понял.

– Любка...

– Любовь Матвеевна, – поправила автоматически.

Но голос почему-то вышел тише, чем я планировала.

Что вообще со мной происходит? Люба, какого хрена у тебя так часто бьется сердце рядом с человеком, который не воспринимал тебя в прошлом ни как?

В

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.